

ЕВРАЗИЙЦЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С. Н. ПУШКИН

Аннотация

Евразийские мыслители были убеждены, что Октябрьская революция как суд над изуродованной реформами Петра I Россией главным образом и определяет дальнейшие пути ее поступательного развития. Евразийцы видели различие между коммунистами и большевиками. Коммунисты, с их точки зрения, формировались в процессе разрушительных европейских революций, большевики же – результат русской революции. Активно критикуя коммунистов, они высоко оценивали большевиков. По их мнению, естественный ход истории России способствовал не только формированию большевизма, но и его сближению с евразийством. В этой связи евразийцы с одобрением относились к советской власти, решительно порвав с коммунизмом, неизбежно будет способствовать перерастанию большевистской России в Россию евразийскую. Объявляя себя и противниками большевиков, и продолжателями их дела, они обстоятельно рассматривали проблему третьего пути развития нашей страны. Полагая, что и радикальный большевизм, и радикальный антисоветизм ориентировались главным образом на заимствованные на Западе ценности, а не на развитие собственных основ, евразийские мыслители стремились сочетать верность традиции с активными новаторскими устремлениями. При этом они были убеждены, что как европейская держава в дальнейшем Россия проявить себя уже не сможет. Выступив на исторической сцене в роли вождя колониального мира, она неизбежно возглавит борьбу за его освобождение от европейского, романо-германского ига.

Ключевые слова: евразийцы, революция, Россия, Европа, большевики, коммунисты, советская власть, Советы.

Пушкин Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.
spushkin1949@mail.ru

Цитирование: ПУШКИН С. Н. (2017) Евразийцы об Октябрьской революции // Философские науки. 2017. № 6. С. 98–110.

Массовая публикация евразийской литературы в России начинается в конце прошлого века, тогда же активно издаются и работы, посвященные исследованию евразийства – этого уникального

социально-философского движения первой волны русской эмиграции 1920–1930-х гг. Наряду с проведением многочисленных конференций, у нас активно издаются учебники, учебные пособия, хрестоматии, посвященные различным аспектам евразийской мысли (1). Публикуются и посвященные творчеству евразийцев монографии (2). Появляются и сборники статей, в которых исследуются евразийские взгляды (3). Среди многих тем, так или иначе привлекавших покинувших после революции Россию евразийцев, тема революционного преобразования русского общества, начала которого, по их мнению, заложил еще Петр I, была одной из важнейших.

После реформ Петра, придавших российскому абсолютизму европейский лоск, но вместе с тем и нанесших русскому самодержавию мощный идейный удар, монархия, по постоянным утверждениям евразийцев, вступает в свою завершающую эпоху. «Чем ближе к концу XIX века, тем яснее становится, что «русский наш орел двуглавый» может шуметь только «минувшей славой», — с сожалением констатирует Н.Н. Алексеев. — Мечты о «грядущей» славе разбиваются о внешние неудачи и промахи внутренней политики и растущее в государстве революционное брожение» [Алексеев 1998, 287]. Народ не только легко расстается с монархией в октябре 1917 г., но и разрушает «все ее социальные и идейные предпосылки». «В сущности, «петербургская» Россия была обречена — вот тезис евразийцев, — формулирует один из их фундаментальных выводов немецкий исследователь Л. Люкс. — Эти авторы почти не упоминают о попытках преодолеть внутренние противоречия мирным эволюционным путем» [Люкс 1993, 109], ибо убеждены, что русская революция, как «суд над послепетровской Россией», неизбежна. Рассматривая революцию в первую очередь как русскую и по происхождению, и по смыслу, и по содержанию, евразийцы заявляют, что именно она разрушила ненавистный им петербургский период русской истории, но отнюдь не саму Россию. Поэтому революция для них — бесспорное благо. Ведь в ней, по выразившему евразийскую точку зрения Г.В. Флоровскому, «потерпел крушение замысел обосновать русское могущество на воле и темпераменте «избранного» меньшинства — помимо органического роста народного уклада. Разбилась утопия — вести народ к целям надуманным» [Флоровский 1922, 278]. Евразийцев явно возмущает зрелище этого «двуединого народа», в котором деструктивным началом были «петербургские верхи», разорвавшие связи с нашими национальными основами, но в полной мере не приобщившиеся и к европейским традициям. Даже их критики отмечали: евразийцы одни из первых заявили, что нельзя игнорировать революционные преобразования в России. Указывая на невозможность возврата к дореволюционному прошлому, они, как пишет, например, Н.А. Бердяев, постоянно напоминали: «Пора перестать себе закрывать глаза на совершившееся.

Ничего дореволюционное невозможно уже, возможно лишь пореволюционное» [Бердяев 1992, 108].

По утверждениям евразийцев, Октябрьская революция во многом была подготовлена трагедией мировой войны. «Многим казалось, что воистину само *«время славянофильствует»*, — повторяя Эрна, восклицает Г.В. Флоровский, — что война есть «самовозгорание» исчерпавшей себя и окостеневшей «европейской цивилизации», что ею кончается «Европа» и открывается новая эпоха всемирно-исторической славы и мощи России» [Флоровский 1998, 190–191]. Хилиазм мировой войны порождает хилиазм русской революции. Именно в ней евразийцы начинают усматривать разрешение всех проблем, обеспечение счастливой и благодатной жизни, осуществление рая на земле. Воспринимая русскую революцию в качестве одного из «решающих катаклизмов всемирной истории», они обнаруживают в ней «путь, ведущий не к смерти, но к жизни». Понятно, что революция для них отнюдь не бунт, основанный исключительно на разрушении. В ней евразийские мыслители находят и творческие потенции, обеспечивающие перспективы дальнейшего развития России. Они постоянно напоминают о том, что многие годы революция в России была тем идеалом, в котором воплощалась любовь ко всем униженным, оскорбленным и обездоленным. Усматривалась в ней и «готовность жертвенного заклания на алтарь всеобщего счастья». И хотя после 1917 г. отношение к этим идеям у многих претерпело существенное изменение, евразийцы убеждены: нельзя ни бояться революции, ни пугать этим словом, ибо евразийство, по утверждениям его основателей, «есть попытка творческого реагирования русского национального сознания на факт русской революции» [Савицкий 1997а, 369]. Революция не катастрофа, не апокалипсис, а саморазложение петербургской России, суд над ней. Но смерть этой старой России для евразийцев означала рождение России новой.

Однако СССР, по их глубокому убеждению, так и не приобрел в полной мере самобытные национальные черты. «Коммунистический шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода «европеизации»» [Савицкий 1995, 91]. В результате, духовная сущность распространившегося в России коммунизма — всего лишь своеобразное отражение европейской идеологической сущности. Основываясь на этом, евразийцы определяли различия между коммунистами и большевиками. Коммунисты, с их точки зрения, формировались в процессе разрушительных европейских революций, большевики же — результат русской революции. В итоге евразийцы неизбежно противопоставляли русский большевизм и европейский коммунизм. Понятно, что большевизм им и роднее, и ближе, ибо только после Октябрьской революции Россия обретает возможности самобытного развития, «но уже в новом виде — в виде СССР, — пи-

шет Н. Трубецкой. — Большевизм есть такой же плод двухсотлетнего романо-германского ига, как московская государственность была плодом татарского ига» [Трубецкой 1995, 161]. Даже у многих близких к евразийцам по духу и взглядам русских эмигрантов подобное отношение к большевикам вызывало и непонимание, и недовольство. Евразийство нередко стали определять как своеобразный синтез славянофильства и большевизма. И в этом есть известная доля истины. В отличие от коммунистов, разъясняли свои пристрастия евразийцы, большевики так или иначе стремятся ориентироваться на потребности русской действительности, иногда даже в ущерб собственным идеологическим построениям. Выражая волю народа и во многом завися от него, они нередко действуют не в своих, а в его интересах. «Большевики опасны, пока они коммунисты», — постоянно заявляют евразийцы, хотя вместе с тем они нередко и отождествляют коммунистов и большевиков.

Наиболее сильные стороны политики большевиков евразийцы усматривают в их стремлениях ориентироваться на исторические реалии. Учет естественного хода истории России не только сформировал большевизм как народное движение, но и способствовал сближению большевиков и евразийцев. В конечном итоге большевики, по определению евразийских идеологов, должны подготовить почву для евразийцев. «Евразийство, разумеется, не апология существовавшего в России режима, — писал уже покинувший евразийское движение П.Н. Бицилли. — Евразийцы, напротив, призывают к замене его режимом, который, по их представлениям, являлся бы полной антитезой настоящего; но... антитеза оказывается прямым продолжением “тезы”» [Бицилли 1995, 340]. Неудивительно, что они объявляют себя и противниками большевиков, и последователями, продолжателями их дела. По убеждению евразийцев, большевики оказались единственной политической силой, способной остановить окончательный распад России. Они, пишет П.Н. Савицкий, «к середине 1921 года действительно “собрали” Россию. “Невоссоединенными” остались не более 1/10 территории и 1/5 населения бывшей Империи» [Савицкий 1997b, 274]. Поэтому какие-либо заявления о «расчлененности» России большевиками, с их точки зрения, неправомерны. По убеждению евразийцев, в октябре 1917 г. Россия перестала быть пассивным подражателем европейской цивилизации, а поэтому они не могли не приветствовать активно реализуемую после революции азиатскую направленность ее внешней политики. Вполне осознавая, что их будут обвинять в сочувствии большевикам, евразийцы, тем не менее, утверждали, что «азиофильская ориентация русской внешней политики есть единственная естественная для России ориентация» [Трубецкой 1995, 344]. Они подвергали критике и царизм, и коммунизм, ибо первый, по их словам, длительное время насаждал в России про-

европейскую ориентацию, а второй препятствовал осуществлению настоящей русской жизни. И все же евразийцы полагали, что Россия развивается в целом в верном направлении. Ее евразийский этап неизбежен, равно как и предшествующий ему советский. В письме к П.Б. Струве П.Н. Савицкий сообщает, что он «всегда отвергал... не только коммунизм, но и всякий социализм, под каким бы видом и в каких бы оттенках он ни выступал. И все-таки я, — восклицает один из основателей евразийства, — склонен связывать будущее России с будущим Советской власти» [Савицкий 1997b, 272], которая вполне «привилась» в России.

С большим одобрением относилось большинство евразийцев к этой сформировавшейся в России власти, которая, как они считали, после решительного разрыва с коммунизмом может быть успешно реализована. В противном случае русский народ неизбежно придет к выводу, что «правда» советского государства превратилась в «кривду» коммунистической системы. Но тогда на какой же общественный строй следует ориентироваться? Конечно, не на капитализм, лишенный, по мнению евразийцев, правды, без которой Россия жить не может. Именно поэтому «русский народ примет правду коммунизма и откинет его кривду, — пишет Н.Н. Алексеев. — Он по-прежнему будет бороться с эксплуатацией и рабством во имя человеческой свободы, но уже не в коммунистических целях и не *коммунистическими средствами*» [Алексеев 1998, 315–316]. В этой связи евразийские мыслители обстоятельно рассматривали проблему третьего пути развития России. Называя Россию континентом, занимающим в Евразии срединную позицию, они определяли Россию-Евразию как «третий мир», а евразийство — как «пореволюционную идеологию». «Все остальные направления, «правые» и «левые», носят дореволюционный характер и потому безнадежно лишены творческой жизни и значения в будущем, — пишет Н.А. Бердяев. — Евразийцы стоят вне обычных «правых» и «левых»» [Бердяев 1992, 107]. Стремясь сформировать действительно новое, оригинальное мышление, они обосновывают необходимость синтеза. И радикальный большевизм, и радикальный антисоветизм мыслители полагают бесперспективными идейными направлениями, ориентирующимися не на развитие собственных основ, а на заимствованные ценности. Поэтому они стремятся сочетать верность традициям с активными новаторскими устремлениями в самых различных сферах жизни. Они не хотят быть причисленными ни к правым, ни к левым, так как находятся в совершенно иной системе социально-политических координат. «Евразийцы живут в противопоставлениях, — констатирует П.Н. Савицкий. — В своей системе они совмещают традицию и революцию... Даже в нынешней советской действительности много традиционного, — развивает он свои идеи. — Традиция отрицается, но она налицо. Одно из отличий

евразийцев от других современных русских группировок заключается в том, что они явственно ощущают черты исторических преемств, уже и теперь пронизывающих революцию» [Савицкий 1997b, 98–99]. При этом евразийские мыслители подвергают серьезной критике различного рода негативные аспекты традиций, весьма высоко оценивая их позитивные стороны.

Неудивительно, что в области хозяйственной евразийцы активно пропагандируют путь смешанной экономики, объединяющей самые различные формы собственности. Предлагаемая ими «система государственно-частного хозяйства» должна основываться на конкуренции этих форм. «Общее направление пути, которому должно следовать это преобразование собственности, — заявляет Н.Н. Алексеев, — можно выразить в следующей отрицательной формуле, характеризующей существо преобразованного общества: *ни капитализм, ни социализм!*» [Алексеев 1998, 254]. В этой связи для них частная собственность — всего лишь одна из форм хозяйственной жизни пореволюционной России. Ее абсолютное господство, отсутствие «всяких корректив» по отношению к ней ведут к резкой дифференциации общества, к бесконечному обогащению одних и чрезмерному обнищанию других. И если «на развалинах коммунизма» в России вновь возродится капитализм, то, по Алексееву, у нас неизбежно сформируется и организуется неприемлющее частную собственность революционное народное движение. Вместе с тем для евразийцев очевидно, что отсутствие частной собственности так же плохо, как и ее абсолютное, неограниченное господство. И то, и другое может привести лишь к бесконечной революционной смене капитализма социализмом и обратно. А это не позволит России должным образом развиваться. Но «всегда и везде нужно стремиться к лучшему, — отмечает П.Н. Савицкий в ноябре 1921 г. — И этим лучшим в нынешних, безмерно трудных, обстоятельствах нам представляется сохранение годного политического аппарата большевиков, при изменении экономической их политики» [Савицкий 1997b, 275]. В противном случае большевистская Россия обречена на «экономическое небытие», гибель ее неизбежна. Однако евразийцы в общем-то верят в разумность большевиков. После длительного и тяжелого периода экспериментов они, по мнению евразийцев, должны приступить к некоторому «обуржуазиванию» своей экономики. Создали же большевики вполне приличную армию, хотя некоторые из них, отрицая ранее всякие «начала милитаризма», зывали к всеобщему миру.

Развивая данные идеи, евразийцы заявляют, что проблема «правых» и «левых» имеет значение лишь для людей, которые «даже в своих конечных целях» ориентируются исключительно на ценности земной жизни. Только религия позволяет вырваться за пределы социальной и политической эмпирики. И как полагают мыслители, с точки зре-

ния религиозной оценки, в одних случаях позитивным может быть либо «правое», либо «левое» решение, а в других случаях оба решения могут оказаться в равной степени негативными и т.д. А поэтому полсереволюционную разруху как в хозяйственной жизни, так и, главным образом, в умах людей способно преодолеть только религиозно-духовное возрождение России. Евразийцы полагают, что в отличие от Европы ей присуща «особая атмосфера веры», сформированная еще в допетровскую эпоху. Несмотря на борьбу большевиков с православием, среди народа оно в значительной мере сохранилось. В этой связи евразийские мыслители не могли не отмечать, что большевизм противоречит евразийству, как богоборческое движение противоречит богоутверждающему. При этом они резко выступили против заявлений о русской революции как о результате деструктивной деятельности прибывшей в Россию «в заплombированных вагонах» группы революционных злодеев. Не могли, заявляют евразийцы, большевики совершить революцию лишь «напряжением личной воли», так как историческая жизнь не пассивная, а весьма активная среда, развивающаяся по объективным законам. Поэтому понять русскую революцию в полной мере реально лишь при условии обнаружения синтеза «свободы» и «необходимости». Однако, по Флоровскому, данный синтез осуществим исключительно «в пределах православной мысли», «в живом православном религиозном опыте». «Да, русская революция не есть дело рук человеческих, не есть плод отклонившегося от торного пути здравого смысла индивидуальной воли, не есть «эксперимент», — заявляет Г.В. Флоровский, — а есть действительно «суд», но только не «суд истории», а Суд Божий» [Флоровский 1922, 289]. И лишь осознав и поверив в это, человек сможет встать на путь внутреннего духовного очищения, единственный путь, позволяющий вырваться «из развалин старой России». Ощущая неслучайность революции, угадывая ее глубинное значение, они полагают, что данное явление — процесс чрезвычайно длительный по времени, а поэтому усматривали завершение революции в весьма отдаленном будущем. «Революция длится, — утверждает П.П. Сувчинский. — И до тех пор, пока в России наличествует социально-политическое властвование большевизма — Россию нужно считать в состоянии революции, как бы долго это ни продолжалось» [Сувчинский 1922, 124].

По многочисленным высказываниям евразийцев, развитие России после октября 1917 г. возможно только в условиях советского строя. Но при этом, заявляют они, желательнее, чтобы с Советов как можно раньше была снята коммунистическая опека. «Мы, — пишет Н. Алексеев, — выставляем... в качестве основной нормы будущей русской внутренней политики следующее простое положение: «Россия с Советами, но без коммунизма»» [Алексеев 1998, 359]. Однако данное преобразование следует осуществлять не насильственным, а исключительно

но мирным путем, ибо, несмотря на господство коммунистов в Советах, в них весьма активно представлен народ. Наличие же широкого народного представительства способствует, по убеждению евразийцев, формированию бытового демократизма. А это в свою очередь благоприятно влияет на снижение различного рода классовых антагонизмов. В Советах народ имеет и достаточно широкие возможности обучаться самоорганизации, самоуправлению. Именно там формируются новые кадры для новой, евразийской России. В этой связи евразийцы разработали свое учение о «правлящем слое». Для них это совокупность людей, «фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого» [Трубецкой 1995, 407]. В качестве важнейшей функции правящего слоя евразийские мыслители называют функцию политическую, фактически полагая его резервом для формирования государственного аппарата. Очевидно, что смена правящего слоя определяется ими как одна из главных целей русской революции. Обращаясь к русским эмигрантам, евразийцы говорили об абсурдности полного устранения сформировавшегося при большевиках правящего слоя в послереволюционной России. Полностью импортировать его из-за границы, по их мнению, дело нереальное. Объявляя подобные планы не иначе как игрой воображения, они постоянно подчеркивают, что революция значительно перемешала «человеческие слои» России. И если самые глубинные из них обрели возможность подняться, то «поверхностные и выветрившиеся», напротив, опустились вниз. В результате наиболее крепкие и активные массы оказались на поверхности. После этого постреволюционная Россия обретает значительную мощь и силу. Поэтому большевиков евразийцы воспринимают в виде мощного насоса, поднимавшего из народной толщи необходимых России людей. И приток этих людей чрезвычайно широк и многообразен. «Самое страшное и непобедимое в борьбе с большевизмом это то, — пишет П.П. Сувчинский, — что врага, как определенного лица, как определенного содержания — нет» [Сувчинский 1922, 126–127]. Тот, кто выступает против большевиков, должен противостоять всем силам новой России.

Евразийские мыслители отмечают, что очень многие русские эмигранты определяли революцию только как смену власти в результате правительственного переворота. Они же стремились обнаружить и исследовать глубинные последствия революционных преобразований России. В частности, Л.П. Карсавин заявляет, что многие положения Советской Конституции порождены реалиями России, где издавна развита представительная власть на местах. Именно в этой связи евразийцы весьма позитивно оценивают деятельность Советов. Но Советы, действующие в СССР, и евразийские Советы, с их точки зрения, значительно различаются. Советы в СССР представляют собой всего

лишь «фикцию» евразийских Советов, ибо формируются без свободы выбора. Однако «только при этом условии, — подчеркивает П. Н. Савицкий, — вся система приобретает подлинно диалектический характер: властная организация, костяк государственной жизни — государственный актив признает и нечто, от него отличающееся, ему противоположное — стихию меняющихся народных настроений, учитывает ее и считается с нею» [Савицкий 1997b, 108]. Лишь в этом случае может успешно осуществляться правящий отбор правящего слоя, сохраняться и укрепляться его связь с народом. Буржуазная же демократия зиждется на деятельности дезорганизованного конгломерата избирателей, «голосующего корпуса граждан», практически ничем не связанных между собой. В отличие от буржуазного государства, государство социалистическое определяется евразийцами в виде совокупности Советов, а не отдельных, разрозненных индивидов. При этом евразийцы отмечают, что индивидуалистические учения никогда не имели большого числа сторонников в России. Рассуждая о связях личности с обществом, они заявляют, что свое оправдание личность может найти лишь в социальной миссии, в служении «общему делу». Неудивительно, что большевикам, по Алексееву, свойственно «резкое отрицание... либеральных и демократических учреждений Запада, недоверие к буржуазным правам личности и к европейскому парламентаризму» [Алексеев 1998, 146]. Данная позиция большевиков во многом обусловила, по его словам, неприятие большевиками западной социал-демократии, обозначаемой на русской почве как меньшевизм.

Для евразийцев очевидно, что европейский демократический строй в послереволюционной России установлен быть не может. Вполне пригодный для Европы, он чужд Евразии. «Для того чтобы новая власть была народной властью, а не коллегией ловких приказчиков, управляющих без хозяина, — указывает Л. П. Карсавин, — нужна новая идеология» [Карсавин 1997, 198–199]. По его мнению, формирование послереволюционных властных структур явилось продолжением, развитием многовековых идеалов народных масс. Не приемлющий буржуазные свободы, их политический идеал выступает против европейской демократии, с присущими ей парламентаризмом и многопартийностью. В результате евразийцы вынуждены приступить к созданию собственной политической концепции, названной ими «идеократией», с которой они и связывают будущее России. «Идеократией», «идеократическим строем» евразийцы обозначают формирующийся после революции новый тип отбора правящего слоя, обеспечивающего создание нового типа государства. Рассматривая государство как надклассовое образование, наши мыслители в этой связи чрезвычайно высоко оценивают правящий слой, представляющий все общество. При идеократическом строе правящий слой,

по Трубецкому, интегрирует единое мирозерцание. П.Н. Савицкий определяет идеократию как порядок, обеспечивающий формирование правящего слоя на основе единства убеждений и служения этим убеждениям. Образование этого слоя на идеократических основах, по мнению евразийцев, явилось стержнем, обеспечивающим жизнеспособность и развитие российской государственности. Поэтому советский строй, неизбежно должен уступить место идеократическому строю. По утверждению евразийских мыслителей, идеократия — будущее России. Именно здесь через реализацию идеократического принципа могут осуществляться разнообразные формы государственного строительства. Евразийцы отмечают, что в отличие от многих других государств послереволюционная Россия преуспела в продвижении к идеократическому строю.

Они убеждены, что Россия как европейская держава в дальнейшем себя проявить уже не сможет. Однако то, что она станет колонией не столько беда, сколько благо для нее. Ведь именно Россия, выступив на исторической сцене в роли вождя колониального мира, должна будет возглавить борьбу за освобождение его от европейского, романо-германского ига. В этой связи большевистская агитация и пропаганда, заявляя евразийцы, воспринимается исключительно заинтересованно, как «национальная проповедь против европейцев». «В сознании значительной части “азиатов” большевики, а с ними вместе и Россия, прочно ассоциировались с идеями национального освобождения, с протестом против романогерманцев и европейской цивилизации» [Трубецкой 1995, 301]. Поэтому Россия утрачивает какие-либо серьезные европейские интересы. Азиатская ориентация для нее становится и доминирующей, и определяющей. Однако евразийцы сожалеют, что в отличие от большинства азиатских стран, уже вполне признавших Россию в роли лидера колониального мира, русская интеллигенция к этому еще явно не готова. При этом они ведут речь об интеллигенции, не только сформировавшейся в до-революционном прошлом, но и возглавившей в России революционные массы. И первая, и вторая пребывали «во власти европейских предрассудков». Именно поэтому русская эмиграция призывалась к осуществлению духовного переворота в сознании русских революционных интеллигентов. Ведь они — социалисты, а стало быть — «законные дети европейской цивилизации». Зараженные европейским эгоцентризмом «эти вожди восстания “стонущих племен” не только не дают отдельным людям или народам познать самих себя и стать самими собой, но даже наоборот, заставляют их быть не тем, что они есть, и затемняют их сознание, — пишет Н.С. Трубецкой. — При таких условиях весь истинный смысл народного движения извращается. Никакого освобождения от морального гнета романо-германской цивилизации не получается» [Трубецкой 1995, 768]. Таким образом,

и после Октябрьской революции Россия все еще заражена ядом европейской цивилизации. Так и не освободившаяся из-под ее духовного гнета она не может в полную силу творить свою собственную, т.е. евразийскую цивилизацию, что будет возможно лишь тогда, когда евразийство в России заменит большевизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) См.: *Ахматов А.В.* Проблемы философии права евразийцев: учебник. – М., 2017; *Болотоков В.Х., Кумыков А.М.* Выдающиеся представители русской социально-философской мысли первой половины XX в. Учеб. пособие. – М., 2002; *Малявин С.Н.* История русской социально-философской мысли. Пособие для вузов. – М., 2003; *Емельянов Б.В., Любутин К.Н., Русаков В.М., Саранчин Ю.К.* История русской философии: учебник для вузов. – М.; Екатеринбург, 2005; *Философия истории.* Учеб. пособие. – М., 1999; *Философия истории в России.* Хрестоматия. – М., 1996; *Шапошников Л. Е., Пушкин С.Н.* Русская историософия: избранные школы и персоналии. – СПб., 2014.

(2) См.: *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). – Петрозаводск, 2003; *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». – М., 2004; *Ким В.Н.* Философия евразийства и наследие художественной культуры Центральной Азии. – М., 2004; *Колесниченко Ю.В.* Личность в евразийстве. Гносеологические основания. – М., 2008; *Назмутдинов Б.В.* Законы из-за границы. Политико-правовые аспекты классического евразийства. – М., 2017; *Пушкин С.Н.* Историософия евразийства. – СПб., 1999.

(3) См.: *Соболев А.В.* О русской философии. – СПб., 2008; *Основы евразийства.* – М., 2002 и др.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1998 – *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998.

Бердяев 1992 – *Бердяев Н.А.* Евразийцы // Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1 (I–VI). – М.: Информ-Прогресс, 1992. С. 101–105.

Бицилли 1995 – *Бицилли П.Н.* Два лика евразийства // Мир России – Евразия: Антология. – М.: Высшая школа, 1995. С. 33–349.

Карсавин 1997 – *Карсавин Л.П.* Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли / сост. С. Ключников. – М.: Беловодье, 1997. С. 141–201.

Люкс 1993 – *Люкс Л.* Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114.

Савицкий 1995 – *Савицкий П.Н.* Евразийство // Мир России – Евразия: Антология. – М.: Высшая школа, 1995. С. 83–97.

Савицкий 1997а – *Савицкий П.Н.* Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. С. 369–388.

Савицкий 1997б – *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.

Сувчинский 1922 – *Сувчинский П.П.* Вечный устой // На путях. Утверждения евразийцев. Кн. 2. – М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 99–133.

Трубецкой 1995 – *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995.

Флоровский 1998 – *Флоровский Г.В.* Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998.

Флоровский 1922 – *Флоровский Г.В.* О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. – М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 230–293.

EURASIANISTS ABOUT THE OCTOBER REVOLUTION

S.N. PUSHKIN

Summary

Eurasian thinkers were sure that the October revolution as well as the judgment on the Russia mutilated by Peter the First's reforms, primarily determines the further ways of its progressive development. Severely criticizing communists, they highly appreciated Bolsheviks. In their opinions, Russia's natural advancement has fostered not only forming bolshevism but its convergence with eurasianism. In connection with this, eurasianists approved the Soviet government which after the crucial break-off from the communism inevitably will contribute to the transformation from the bolshevik Russia into eurasian Russia. Proclaiming themselves adversaries of bolsheviks as well as successors of their deed, they thoroughly considered the problem of the third way of our country's development. Assuming that radical bolshevism as well as anti-sovietism were oriented primarily towards the borrowed from the West values but not towards advancement of their own fundamental ideas, eurasian thinkers sought for combining faithfulness to tradition with active innovatory tendencies. Herewith they were sure that consequently Russia will fail to manifest itself as a Western state. Performing a role of the colonial world chieftain on the historical stage it inevitably will lead the fight for its freedom from the European and Romanistic-Germanic yoke.

Keywords: Eurasianists, revolution, Russia, Europe, Bolsheviks, communists, the Soviet government, the Soviets.

Pushkin, Sergei – D.Sc. in Philosophy, Professor of Department of Philosophy and Theology at the Nizhny Novgorod Kozma Minin State Pedagogical University. spushkin1949@mail.ru

Citation: *PUSHKIN S.N.* (2017) Eurasianists about the October Revolution. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 98-110.

REFERENCES

Alekseyev N.N. (1998) *The Russian People and the State*. Agraf, Moscow (in Russian).

Berdyayev N.A. (1992) 'Eurasianists'. In: *Put'. Organ russkoj religioznoj mysli* [The Put'. The Organ of the Russian Religious Thought]. Vol. 1 (I-VI). Inform-Progress, Moscow, pp. 101-105 (in Russian).

Bitsilli P.N. (1995) 'Two Faces of Eurasianism'. In: *Mir Rossii – Evrazija: Antologija* [The World of Russia-Eurasia: Anthology]. Vysshaja shkola, Moscow, pp. 335-349 (in Russian).

Karsavin L.P. (1997) 'Phenomenology of Revolution'. In: *Russkij uzel evrazijs'tva. Vostok v russkoj mysli* [The Russian Junction of Eurasianism. The East in the Russian Thought]. Belovodye, Moscow, pp. 141-201 (in Russian).

Lux L. (1993) 'Eurasianism'. In: *Voprosy Filosofii* [The Problems of Philosophy]. 1993. Vol. 6, pp. 105-114 (in Russian).

Savitskij P.N. (1995) 'Eurasianism'. In: *Mir Rossii – Evrazija: Antologija* [The world of Russia-Eurasia: Anthology]. Vysshaja Shkola, Moscow, pp. 83-97 (in Russian).

Savitskij P.N. (1997a) 'The Ideas and Ways of Eurasian Literature'. In: *Russkij uzel evrazijs'tva. Vostok v russkoj mysli* [The Russian Junction of Eurasianism. The East in the Russian Thought]. Belovodye, Moscow, pp. 369-388 (in Russian).

Savitskij P.N. (1997b) *Continent Eurasia*. Agraf, Moscow (in Russian).

Suvchinskij P.P. (1922) 'The Eternal Abutment'. In: *Na putyah. Utverzheniya evraziy'tsev* [On the Ways. The Assertions of the Eurasians]. Vol. 2. Gelikon, Moscow, Berlin, pp. 99-133 (in Russian).

Trubetskoy N.S. (1995) *History. Culture. Language*. Progress, Moscow, 1995 (in Russian).

Florovsky G.V. (1922) 'On Patriotism: Righteous and Sinful'. In: *Na putyakh. Utverzheniya evraziy'tsev* [On the Ways. The Assertions of Eurasians]. Vol. 2. Gelikon, Moscow, Berlin, pp. 230-293 (in Russian).

Florovsky G.V. (1998) *From the Past of the Russian Thought*. Agraf, Moscow.